

АЛЕКСЕЙ ДЕКТЕРЁВ

Лирическая и серьёзная проза

П Р О З А

Алексей Дектерёв

Лирическая и серьёзная проза

<https://litres.ru/74488873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тринадцать рассказов на грани притчи: профессор, что проносит любовь сквозь всю классификацию видов; ангелы, которые плачут; ночь на берегу Сириуса. Серьёзная малая проза о людях в пограничных состояниях — потеря, вера, выбор, — написанная сдержанно и точно. Читается медленно и остаётся надолго.

Содержание

Номо Амано	5
Апокалипсис	9
Зелёный пакет	29
Когда ангелы плачут часть 1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Дектерёв

Лирическая и серьёзная проза

Лирическая и серьёзная проза

Проза

Алексей Дектерёв

Homo Amans

Холодный октябрьский вечер 1995 года. Лена торопливо шла домой, прижимая к груди тяжёлый учебник по палеонтологии. День выдался долгим — две пары по систематике, затем практикум.

Войдя в подъезд, она вздрогнула — у батареи переминался с ноги на ногу Димка из соседнего дома. Здоровенный парень, кандидат в мастера по боксу. Массивные надбровные дуги, широкие плечи, мощная челюсть — живое воплощение кроманьонца, словно сошедшего со страниц её учебника.

«Типичный пример атавизма», — мелькнуло в голове у Лены.

Такие же крупные, сильные люди когда-то загоняли мамонтов и побеждали пещерных медведей. Только вот его глаза...

— И что ты тут стоишь?

Молчание.

— Ты что, следишь за мной?

Виноватое молчание.

— Ты что и на лекцию мою проник в универ?

— Да...

— А зачем?

Молчание.

— И что ты на лекции понял? Ты хоть что-то понял?

— Да...

— Что? Что именно интересно?

— Хордовые...

— Что хордовые?

— Мы хордовые...

— Хаха-ха! — рассмеялась Лена. — А другую классификацию? Царство? Подтип? Надкласс? Ты знаешь?

— Нет...

Поднимаясь на ступеньку выше, она начала:

— Царство — Животные.

Ещё ступенька:

— Подцарство — Эуметазои.

Поравнявшись с ним:

— Тип — Хордовые, — она посмотрела ему прямо в глаза.

— Хордовые, — ответил он заворуженно.

— Подтип — Позвоночные, Надкласс — Четвероногие, Класс — Млекопитающие, Подкласс — Звери, — где-то залаяла соседская собака.

— Надотряд — Эуархонтоглиры, Отряд — Приматы, Подотряд — Сухоносые обезьяны, Инфраотряд — Обезьянообразные, — «Здрасьте!» — кивнула она проходящему соседу, дяде Серёже.

— Надсемейство — Человекообразные обезьяны, Семейство — Гоминиды, Подсемейство — Гоминины, Триба! Гоминини, Род — Люди, Вид — *Homo sapiens*, Подвид —

Sapiens.

— Лен, — наконец выдавил Димка, — я это... может, в кино сходим?

Его пальцы, всё ещё красные от долгого стояния у холодной батареи, нервно теребили молнию куртки.

— Сходим, — улыбнулась она, — только сначала погреемся у нас чаем. Мама как раз пирог испекла.

Прошло двадцать пять лет. Профессор Елена Сергеевна стояла у кафедры, читая вводную лекцию первокурсникам.

— И вот эту классификацию я запомнила навсегда в тот вечер... — она на секунду замолчала, глядя в окно аудитории. — Тот вечер, когда один очень смелый человек просто-ял три часа у батареи в подъезде, чтобы пригласить меня в кино.

Она машинально коснулась обручального кольца.

— К сожалению, он так и не увидел, как я стала профессором. Он погиб в Грозном весной девяносто шестого. Но каждый раз, когда я дохожу до *Homo sapiens sapiens*, я вспоминаю его улыбку. И знаете что? — она повернулась к притихшим студентам. — Иногда самые важные уроки в жизни мы получаем не от тех, кто умеет блестяще классифицировать живые организмы, а от тех, кто умеет просто и искренне любить.

В аудитории стояла абсолютная тишина. Только за окном шелестели те же тополя, что и четверть века назад.

— А теперь открываем учебники. Царство — Живот-

ные...

Апокалипсис

Часть 1: Зов Великих Вод

Солнце, древний бог Кинич-Ахау, только начинало свой путь по небесному своду, когда Текум, высокий и широкоплечий воин, поднял руку, останавливая свой отряд. Влажный, пряный воздух джунглей замер, и лишь далекий крик обезьяны нарушал тишину. «Стой, — прошептал он, его голос был глубок, как колодец сенота. — Чувствуете?»

Они чувствовали. Нежный, соленый бриз, совсем иной, чем тяжелый, насыщенный ароматами земли воздух их родных лесов. И едва уловимый, но настойчивый шум, похожий на дыхание спящего великана. Это был зов Великих Вод, Океана, о котором рассказывали лишь старые шаманы и редкие путники.

Четверо из племени лесных майя, чьи деревни были глубоко спрятаны в сердце полуострова Юкатан, совершали небывалое путешествие. Их вела не жажда новых земель, а скорее древнее пророчество, шепчущее о временах перемен, и смутное предчувствие, что ответы на вопросы их старейшин лежат там, где небо встречается с бесконечной синей гладью.

Текум, чье имя означало «Щит», был одним из воинов этой небольшой экспедиции. Ему было около тридцати лет, его тело было выковано годами охоты и ритуальных игр с мя-

чом. На его смуглой коже виднелись тонкие шрамы — метки сражений с ягуарами и другими воинами. Глаза Текума, чёрные и проницательные, всегда внимательно изучали окружающий мир, и редко что могло ускользнуть от его взора. Он носил набедренную повязку из грубого хлопка, а на груди — амулет из нефрита, переданный ему отцом, символизирующий защиту и связь с предками.

Рядом с ним шла Иш-Кан, «Змеиная Сестра», единственная женщина в их отряде. Ей было двадцать пять, и Её красота была дикой и естественной, как цветок орхидеи, распустившийся в чаще. Длинные черные волосы, заплетенные в косу, ниспадали до пояса, а Её гибкое тело двигалось с грацией пантеры. Иш-Кан была не просто спутницей — она была искусной травницей, знающей секреты каждого растения в джунглях, и Её мудрость часто помогала Текуму принимать решения. На Её запястьях поблескивали браслеты из ракушек, собранных когда-то давно у реки.

Текум оказался в этой группе случайно, он собирался один на охоту, но столкнулся на выходе из деревни с друзьями, которые его соблазнили своим звонким смехом и радостями свободы в этот поход к побережью.

Да, всё начиналось довольно весело и непринуждённо они спускаясь по горной дороге они пел песни и любовались пейзажем набрали припасов в деревне неподалеку от побережья и все было идеально и погода и боги им благоприятствовали.

Но, подходя ближе к побережью, чувствовалось какое-то незримое присутствие.

За первой парой следовал Ах-Пуч, что иронично переводилось как «Владыка Смерти», хотя на самом деле он был самым жизнерадостным из всех. Ему было двадцать восемь, и его лицо часто озаряла широкая улыбка, обнажающая крепкие зубы. Ах-Пуч был холост, его сердце было легко, а дух — свободен. Он был отличным охотником и непревзойденным рассказчиком, душой компании способным превратить любую обыденную историю в захватывающее приключение. Он побывал на множестве островов и только он видел по-настоящему океан.

Его лук, искусно украшенный перьями кетцаля, всегда был наготове.

Последним в их группе шел Чак-Моол, «Красный Ягуар», самый старший из них, ему было под сорок. Его голова была лыса и загорелая, лицо было изрезано морщинами, а в глазах читалась усталость, но и глубокая мудрость. Чак-Моол был отцом пятерых детей, и его сердце всегда было в его деревне, рядом с семьей. Он отправился в это путешествие по зову старейшин, как самый опытный следопыт и знаток древних путей. Его молчаливость была легендарна, но каждое его слово было весомо, как камень. На его шее висело ожерелье из высушенных семян, служившее ему талисманом.

Они шли уже много дней, оставляя позади привычные тропы, пробираясь сквозь густые заросли, пересекая мелкие

реки и холмы. Их провизия, состоящая из сушеного мяса, кукурузных лепешек и фруктов, подходила к концу, но усталость отступала перед предвкушением. По пути они заглянули в самую дальнюю деревню, где Чак-Моол повидал своих двух самых младших сыновей.

Да, дорога была не из лёгких, но на сердце было легко.

«Мы почти у цели, — произнес Текум, его голос был полон предвкушения. — Я чувствую это. Великие Воды ждут нас».

Они снова двинулись вперед, и каждый шаг приближал их к неведомому. Вскоре лес начал редеть, деревья становились ниже, а их листья — более жесткими, приспособленными к соленым ветрам. И вот, сквозь последние завесы листвы, перед ними открылось зрелище, от которого перехватило дыхание.

Бескрайняя синяя гладь, простирающаяся до самого горизонта, где небо сливалось с водой в неразличимую линию. Волны, одна за другой, накатывались на берег, разбиваясь о песок с мягким, шипящим звуком. Воздух был наполнен свежим запахом соли и водорослей, а над головой кружили незнакомые им морские птицы.

Это был Океан. Великий, могучий, бесконечный.

Иш-Кан первой подошла к кромке воды, осторожно опустив руку в прохладные волны. Её глаза сияли от удивления и благоговения. Ах-Пуч издал радостный клич и бросился в воду, смеясь, как ребенок. Чак-Моол стоял чуть поодаль, его

взгляд был задумчив, словно он пытался прочесть в волнах ответы на вопросы, мучившие его народ.

Текум подошел к берегу, вдыхая полной грудью соленый воздух. Он почувствовал себя маленькой песчинкой перед этой необъятной мощью, но в то же время — частью чего-то гораздо большего. Это место было особенным. Оно было наполнено древней энергией, и он знал, что их путешествие только начинается.

Они нашли идеальное место для лагеря — небольшую рощицу пальм, чуть в стороне от прибоя, где песок был мягким и сухим. Вскоре вспыхнул костер, его языки пламени плясали в такт ритму волн, отбрасывая причудливые тени на окружающие пальмы. Запах дыма смешивался с запахом моря, создавая уникальную, пьянящую атмосферу.

Нас должен встречать Кукулькан, он должен подавать сигналы дымом и его каное я на него рассчитывал сказал самый старший.

Пока Текум и Чак-Моол собирали дрова, Ах-Пуч, не теряя времени, занялся рыбалкой, используя искусно сплетенную им сеть. Иш-Кан, тем временем, расставляла их скромные пожитки и готовила место для ночлега.

Когда солнце опустилось за горизонт, раскрашивая небо в огненные краски, у костра уже жарилась свежепойманная рыба. Её аромат разносился по берегу, смешиваясь с запахом моря. Они ели молча, наслаждаясь каждым кусочком, чувствуя, как усталость отступает, а их тела наполняются новой

силой.

Ночь опустилась быстро, и над ними раскинулся бархатный купол, усыпанный мириадами звезд, ярких и близких, как никогда раньше. Шум прибоя стал колыбельной, а треск костра — единственным звуком, нарушающим величественную тишину.

«Это место... — произнесла Иш-Кан, её голос был почти шёпотом. — Оно другое. Оно чувствует себя... древним».

Текум кивнул, глядя на мерцающие звезды. «Да, — согласился он. — Здесь дышат духи предков. И что-то Ещё. Что-то новое».

И в этот момент, из тени пальм, к ним вышел человек. Его фигура была знакома, хотя и изменилась. Лицо было изможденным, но глаза сияли узнаванием.

«Кукулькан? — воскликнул Ах-Пуч, вскакивая на ноги. — Это ты!»

Это был Кукулькан, их старый друг, майя из прибрежного племени, чьи глаза видели многое. Он провел годы в Теночтитлане, городе величия и тайн, и теперь его присутствие было как глоток свежего воздуха. Он был тоньше, чем они его помнили, но его улыбка была той же. На его шее висело ожерелье из морских ракушек, а на запястьях — браслеты из полированного камня.

«Ах-Пуч! Текум! Иш-Кан! Чак-Моол! — Кукулькан обнял каждого по очереди, его голос дрожал от волнения. — Я знал, что вы придете. Я чувствовал это. Духи моря шептали

мне о вашем приближении».

Они усадили Кукулькана у костра, предложили ему рыбу и воду. Он рассказывал им о своей жизни в Теночтитлане, о величии храмов, о мудрости жрецов, о суете рынков. Его истории были полны чудес и опасностей, и друзья слушали его, затаив дыхание.

«Но что привело тебя сюда, Кукулькан? — спросил Текум. — Ты ведь был так далеко от дома».

Кукулькан тяжело вздохнул, и его взгляд стал серьезным. «Я чувствовал беспокойство, Текум. Что-то меняется. Небо не так ясно, как раньше. Море не так спокойно. Я слышал странные истории от моряков, от торговцев. О больших лодках, плывущих с востока. О богах с бледной кожей и волосами цвета солнца».

Его слова повисли в воздухе, нарушая мирную атмосферу. Текум почувствовал холодок, пробежавший по спине. Пророчество. Перемены.

«Мы тоже чувствуем это, — сказала Иш-Кан. — Что-то грядет. Мы пришли сюда, чтобы понять».

Они сидели у костра до поздней ночи, делясь историями, смехом и опасениями. Двое легких каноэ, пришвартованных неподалеку, покачивались на волнах, словно две спящие птицы, не подозревая о буре, которая уже приближалась.

По кромке побережья где начинались джунгли изредка проходили караваны из лам и мелкого скота в горную столицу.

И жизнерадостный Ах-Пуч соскакивал и махал им ожидая от погонщиков того же. Но редко кто откликнулся на этот приветливый знак.

Мы так всегда делали в детстве! Говорил он всем занимая свое место у костра.

Часть 2: Сказки под Звездами

— Смотрите какой красивый закат ах если бы его можно было взять и украсть с собой в нашу деревню. — сказала Иш-Кан.

Солнце заходило быстро и скоро его красный шар совсем пропал за краем горизонта и ещё долго было светло и даже стих ветер.

Ночь над побережьем была глубока и бархатна, усыпанная мириадами звезд, которые казались ближе и ярче, чем в глубине джунглей. Костер, разведенный Текумом, весело потрескивал, отбрасывая золотистые блики на лица сидящих вокруг него. Запах морской соли смешивался с ароматом жареной рыбы и дыма, создавая пьянящую, почти мистическую атмосферу. Волны мерно накатывали на берег, их шум был похож на древнюю колыбельную, убаюкивающую мир.

Вокруг огня сидели Текум, Иш-Кан, Ах-Пуч, Чак-Моол и их старый друг Кукулькан. После долгих рассказов Кукулькана о Теночтитлане, о его величественных храмах и шумных рынках, наступила очередь других делиться своими историями.

«Я помню, как однажды, — начал Ах-Пуч, его глаза весе-

ло блестили в свете костра, — мы с отцом охотились на тапира. Мы шли по следу несколько дней, и вот, наконец, нашли его у водопоя. Отец приготовился к броску копья, а я, тогда Ещё совсем мальчишка, решил показать свою храбрость. Я выскочил из кустов с криком, думая, что испугаю зверя...»

Он сделал паузу, драматически оглядывая слушателей. Иш-Кан улыбнулась, а Чак-Моол покачал головой, едва заметно усмехнувшись.

«...И что же произошло? — продолжил Ах-Пуч. — Тапир, вместо того чтобы убежать, развернулся и бросился на меня! Я так испугался, что залез на ближайшее дерево быстрее, чем обезьяна! Отец потом долго смеялся, а я с тех пор всегда слушаю его советы перед охотой».

Все засмеялись, и напряжение, вызванное рассказами Кукулькана о странных кораблях, на время отступило.

Затем слово взяла Иш-Кан. Её голос был мягким, но в нем чувствовалась сила. Она рассказывала, как огромное чудовище завладела её отцом и как мать и она сама пытались его освободить, но не смогли. Она рассказывала про брата, который старше её и тоже был укушен ядовитым змеем и как мать заботится больше о нём, чем о ней. А потом она читала стихи о своём суженом, которого она ждёт и о котором думает всегда.

На площади Великой, под солнцем Юкатана,
Где пирамид ступени превозносят храм,
Я, дочь дождя и луны, жду тебя с рассвета,

Моё сердце — агава, соком полное, ждет.
Каждый закат окрашивает небо кровью,
А ты всё не идёшь, мой воин, мой орёл.
Приношу цветы на алтарь, жду знака от богов,
Может, жертва моя недостаточна для них?
Я сплетала узоры из перьев кетцала,
Они ярче, чем радуга, красивей зари,
Я вышивала на тканях твоё имя, мой ягуар,
Но узоры без смысла, если ты не пришел.

Эти прекрасные стихи заставили всех задуматься. Даже Ах-Пуч, обычно такой беззаботный, сидел молча, глядя на огонь.

Чак-Моол, который до сих пор хранил молчание, наконец заговорил. Его голос был хриплым, как шелест старых листьев. «Мой дед, — начал он, — рассказывал мне о звездах. Он говорил, что каждая звезда — это душа предка, смотрящая на нас с небес. И что Млечный Путь — это дорога, по которой души уходят в Шибальбу, подземный мир, а затем возвращаются, чтобы переродиться. Он говорил, что если внимательно смотреть на звезды, можно увидеть, как они танцуют, и понять их послания».

Он поднял глаза к небу, и все последовали его примеру. Мириады звезд действительно казались живыми, мерцающими и пульсирующими в темноте. Текум почувствовал глубокую связь с этим древним знанием, с нитями, связывающими прошлое, настоящее и будущее.

Текум спросил у Чак-Моол — ты имеешь пять детей от трёх жён, а сколько женщин ты познал?

Чак-Моол ответил 1000.

Кукулькан, внимательно слушавший своих друзей, наконец, и молчал, как очень мудрый и опытный.

Наконец его попросили рассказать про столицу: «В Теночтитлане, — произнес он, — жрецы тоже читают звезды. Но их знания... они другие. Они говорят о циклах, о конце одного мира и начале другого. Они говорят о том, что скоро придет время, когда старые боги уйдут, и придут новые. Я не понимал их слов до конца, пока не увидел те большие лодки...»

Его голос затих, и снова наступила тишина, нарушаемая лишь шумом прибоя. Слова Кукулькана, наполненные тревогой, вновь напомнили о нависшей угрозе.

Текум, чувствуя, как напряжение нарастает, решил сменить тему. «Завтра, — сказал он, — мы исследуем побережье. Возможно, найдем новые места для охоты и рыбалки».

Они сидели у костра Ещё некоторое время, слушая шум прибоя и глядя на звезды. Кукулькан, несмотря на усталость, был рад снова быть среди своих. Он рассказал им о своих приключениях на рынках Теночтитлана, о том, как он обменивал ракушки и перья на диковинные товары. Он даже показал им несколько небольших медных колокольчиков, которые он привез из далекого города — редкость в их лесных деревнях.

Иш-Кан, наблюдая за ним, заметила, как много изменилось в Кукулькане. Он стал более взрослым, но в его глазах все Ещё горел огонек любопытства и приключений.

Когда луна поднялась высоко, а истории иссякли, Кукулькан поднялся. «Мне пора, друзья, — сказал он. — Мое племя ждет меня. Но я вернусь завтра, когда солнце будет в зените, но я оставлю своё каноэ. Мы должны поговорить о том, что грядет».

Он обнял каждого из них, и его взгляд задержался на Текуме. «Будь осторожен, Текум, — прошептал он. — Ветер меняется».

Кукулькан скрылся в тени пальм, и его фигура быстро растворилась в ночной темноте.

Когда он ушел, в лагере стало тише. Текум и Иш-Кан переглянулись. Между ними существовала невысказанная связь, глубокое понимание, которое не нуждалось в словах. Они встали и, взявшись за руки, направились к своему шалашу, который Иш-Кан искусно сплела из пальмовых листьев и веток. Внутри было тепло и уютно, и шум прибоя стал их колыбельной.

Ах-Пуч, чей дух был полон неугомонности, не собирался ложиться спать. Он подмигнул Чак-Моолу. «Ну что, Красный Ягуар, — сказал он, его голос был полон предвкушения. — Пойдем поищем приключений? Говорят, в прибрежных деревнях девушки танцуют до утра, а медовое вино течет рекой».

Чак-Моол, несмотря на свою усталость и тоску по дому, не мог устоять перед азартом Ах-Пуча. К тому же, он знал, что такие ночные походы были частью жизни молодых воинов. И хотя он был отцом пятерых детей, в нем все Ещё жила искра юности. Он тяжело вздохнул, но на его лице появилась легкая улыбка.

«Только туда и обратно, Ах-Пуч, — проворчал он. — И никаких глупостей. У меня в хижине жена и дети».

«Конечно, конечно! — воскликнул Ах-Пуч, уже предвкушая веселье. — Всего лишь посмотрим, как живут наши прибрежные братья. Возможно, узнаем что-то новое».

Они взяли свои мачете и, тихо попрощавшись с костром, который продолжал гореть, отправились в сторону, где, по словам Кукулькана, находились ближайшие прибрежные деревни. Их шаги были легкими и бесшумными, как у лесных зверей. Ночь была их союзником, и они надеялись вернуться до рассвета, чтобы никто не заметил их отсутствия.

Шум прибоя продолжал звучать, но теперь в нем слышался не только покой, но и нечто иное — предчувствие. Предчувствие перемен, которое витало в воздухе, словно невидимая тень.

Часть 3: Зловещий Рассвет и Безмолвные Тени

Утро пришло не спеша, с ласковым шепотом волн и криками чаек, которые кружили над корзинами припасов, высматривая чем бы поделится. Иш-Кан стала отгонять их криком из шалаша.

Солнце только начинало касаться горизонта, раскрашивая небо в нежные оттенки розового, золотого и фиолетового. Мир казался спокойным и безмятежным, как будто ничего не предвещало беды.

Из шалаша, сплетенного из пальмовых листьев, первыми вышли Текум и Иш-Кан. Они спали крепко, убаюканные шумом прибоя, и теперь их тела были полны свежих сил. Иш-Кан потянулась, вдыхая полной грудью соленый воздух, а Текум, как всегда, первым делом оглядел лагерь.

Костер, который они оставили гореть на ночь, почти догорел. Камни кострища были развалены. От него остались лишь тлеющие угли, испускающие тонкую струйку дыма. Текум подошел к нему, чтобы раздуть огонь и приготовить завтрак, но что-то сразу показалось ему не так.

На песке, рядом с потухшим костром, лежало тело. Оно было неподвижно, и его поза была неестественной, скрученной. Сердце Текума сжалось от дурного предчувствия. Он сделал шаг вперед, и его глаза расширились от ужаса.

Это был Ах-Пуч. Его лицо было искажено гримасой невыразимого страха, глаза широко раскрыты и устремлены в пустоту. На его груди зияла глубокая рана, из которой кровь уже давно перестала течь, превратившись в темное пятно на песке. Вокруг его тела не было следов борьбы, только песок, примятый его падением.

«Ах-Пуч!» — выдохнула Иш-Кан, прикрыв рот рукой. Её глаза наполнились слезами, а тело задрожало.

Текум опустился на колени рядом с телом друга, его лицо было каменным. Рядом были разбросаны вещи и головешки. Но ничего не было похищено.

Он ещё дышит! Он не мертв! Ранен так сильно, но кем?

Воин осторожно прикоснулся к его руке — она была чуть теплой. Но кто? И почему? В их лесных племенах не было таких ран, таких... чистых убийств. Это было не дело ягуара, не дело другого воина в честном бою. Это было нечто иное. Не было ни стрел, ни копий.

Его взгляд упал на рану. Она была странной, словно сделана каким-то острым, но не привычным для них оружием. Край был ровным, почти идеальным.

«Чак-Моол! — вдруг вспомнила Иш-Кан, её голос дрожал. — Где Чак-Моол?»

Текум резко поднял голову. Он совсем забыл о втором друге, который ушел с Ах-Пучем. Он быстро оглядел лагерь. Их второй шалаш, который они соорудили для Ах-Пуча и Чак-Моола, стоял чуть поодаль, наполовину скрытый пальмовыми листьями.

Словно подгоняемый невидимой силой, Текум бросился к шалашу. Иш-Кан, дрожа всем телом, последовала за ним.

Когда Текум заглянул внутрь, он увидел второго друга. Чак-Моол. Он лежал на боку, его глаза были закрыты, а дыхания не было слышно. На его теле тоже были раны, но они отличались от ран Ах-Пуча. Это были множественные порезы и ушибы, словно он боролся до последнего вздоха. Его

мачете, которое он всегда носил с собой, валялось рядом, залитое кровью.

Под головой израненного лежала сумка Текума, значит, он сам приполз в шалаш.

Живой? — закричала Иш-Кан!

— Да, но их нужно быстрее доставить в деревню к старейшинам. Они знают отвары и травы, которые должны вернуть их пытающиеся улететь души.

«О, боги...» — прошептала Иш-Кан, её голос был полон отчаяния. Она упала на колени, закрыв лицо руками.

Текум стоял над телом Чак-Моола, его кулаки были сжаты. Его сердце разрывалось от гнева и боли. Два его друга, два воина, которые прошли с ним столько дорог, теперь лежали ранены на чужом берегу. Кто мог совершить такое? И почему?

Он внимательно осмотрел шалаш. Здесь тоже не было явных следов борьбы, но было ощущение, что все произошло очень быстро и тихо. Кто бы это ни был, он действовал хладнокровно и безжалостно.

Текум вышел из шалаша, его взгляд был устремлен вдаль, на бескрайнюю гладь океана. Его разум лихорадочно искал ответы. Кто? Почему? Кукулькан говорил о странных кораблях, о людях с бледной кожей...

И тут он увидел...

На горизонте, там, где небо сливалось с морем, величественно стоял корабль. Он был огромным, намного больше

любого каное, которое индейцы когда-либо видели. Его мачты, высокие и тонкие, устремлялись в небо, а на них развешались странные полотна, похожие на крылья огромной птицы. Корпус корабля был темным, а на его бортах виднелись какие-то непонятные узоры.

Это было зрелище, от которого перехватывало дыхание. Нечто совершенно чуждое, нечто, что не принадлежало их миру.

«Что это?» — прошептала Иш-Кан, её голос был полон ужаса. Она тоже увидела корабль.

Текум не мог ответить. Он стоял, словно прикованный к месту, его взгляд был прикован к этому монстру, приплывшему из неведомых далей. В его голове пронеслись слова Кукулькана о «больших лодках, плывущих с востока».

И тут он заметил движение.

От борта огромного корабля отделились несколько маленьких лодок. Они были тоже странными, с высокими носами и бортами, и двигались они не с помощью весел, а с помощью каких-то непонятных приспособлений. В этих лодках сидели люди. Много людей.

По мере того как лодки приближались к берегу, Текум смог различить их. Это были люди с бледной кожей, о которых говорил Кукулькан. На их головах были странные блестящие шлемы, а на телах — блестящие доспехи, которые отражали лучи восходящего солнца. В их руках сверкало оружие, непохожее ни на что, что они когда-либо видели —

длинные, острые мечи и какие-то непонятные палки.

Конкистадоры.

Они плыли прямо к их берегу, к их шалашам. К лагерю с ранеными.

Ужас охватил Текума, но в то же время в нем вспыхнул яростный гнев. Эти чужаки. Эти враги. Они пришли из ниоткуда и принесли с собой зло.

«Бежим, Текум!» — закричала Иш-Кан, схватив его за руку. Её глаза были полны паники.

Но Текум не мог двинуться. Его взгляд был прикован к приближающимся лодкам. В его голове пронеслись образы Ах-Пуча и Чак-Моола, их смех, их истории, их жизни. И теперь они были беззащитны.

Он почувствовал, как древняя ярость, дремавшая в его крови, пробуждается. Ярость за своих друзей, за свой народ, за мир, который они знали, и который теперь рушился на их глазах.

Шлюпки приближались. С каждой секундой они становились всё больше, и лица людей в них — всё отчётливее. На лицах конкистадоров читалась решимость, а в их глазах — холодный блеск.

Текум знал, что у них нет шансов против этих людей-богов, против их странного оружия и блестящей стальной кожи. Но он также знал, что не может просто так отступить. Не сейчас, когда его друзья лежали ранены, а его мир стоял на пороге уничтожения.

Он крепко сжал руку Иш-Кан. «Нам нужно предупредить всех в деревне, — прошептал он. — Иш-Кан, беги в лес. Найди Кукулькана. Расскажи ему обо всем».

— Нет, я не пойду, я останусь с ними, — сказала она и, как очарованная, смотрела на корабль и приближающие шлюпки.

Тогда Текум сам побежал в лес со всех ног и непонятно, что его двигало или страх перед неизвестным ужасным врагом, или желание предупредить своих, или то и другое ...

Убегая, он обернулся. Шум прибоя теперь казался зловеющим, а крики чаек — предвестниками беды.

Он спрятался за большим прибрежным камнем, наблюдая за тем, как шлюпки с конкистадорами подходят к берегу. Его сердце колотилось в груди, как барабан, но его разум был ясен. Он должен был выжить. Он должен был узнать правду. И он должен был отомстить.

Первая шлюпка коснулась песка. Из неё выпрыгнули люди в блестящих доспехах, их шаги были тяжелыми и уверенными. Они несли флаги со странными символами, и их лица были полны гордости и превосходства.

Новый мир только что столкнулся со старым. И этот старый мир, мир Текума, уже истекал кровью.

Это было не просто столкновение, это было начало новой битвы, битвы за выживание, битвы за будущее.

Огромный корабль «Санта-Мария» оставался на якоре в море, его силуэт был едва виден в тумане. Его появление ста-

ло предвестником новой эры, эры завоеваний, страданий и перемен. Но там, в глубине джунглей, в сердцах майя, горел огонек сопротивления, готовый разжечь пламя новой борьбы.

Конец.

Зелёный пакет

«Эта моя маленькая капсула — моя космическая каюта, в которой я лечу со скоростью 1674 км/ч вокруг оси Земли, и со скоростью 107 тысяч км/ч вокруг звезды по имени Солнце, и со скоростью 828 тысяч км/ч вместе с Солнечной системой по окраине галактики Млечный Путь.

И ещё со скоростью примерно 2,1 миллиона км/ч летит моя галактика среди пространства Вселенной.

Это моя палата на двух человек, в которой я один, совершенно один. Я даже не включаю этот чёрный квадрат телевизора, и я так мило накинул зелёный полиэтиленовый пакет на настенный светильник, он стал похож на далёкую галактику, что на снимках телескопа Хаббл и он наполнил мою каюту зелёным тёплым светом.

В палате есть окно, из него видна огромная пустая многоэтажка,

на которой предлагала мне считать этажи медсестра, когда я отворачивался, чтобы не смотреть, как у меня берут кровь из вены.

Здесь есть кровать с клеёнкой и старенький холодильник с пожелтевшими пластмассовыми деталями.

Я слушаю лекции по антропологии о том, какими были древние люди, как они жили и чем занимались, как они лечили друг друга и уничтожали. И почему-то эти мысли осо-

бенно приходят во время ужина в небольшой столовой, когда я ковыряю вилкой безвкусную котлету из какого-то существа, которое тоже выросло и родилось на планете Земля. А сейчас я, представитель верхушки пищевой цепочки, ем это существо с каким-то безразличием и без удовольствия, ем потому что медсестра кричала в коридоре: „На ужин! На ужин, пациенты из дальних палат!“

А все эти люди в столовой, выжившие и существующие благодаря медицине — разве им сейчас хорошо? Этому деду, трясущимися руками несущему поднос? Толстому парню, который фотографирует на стене плакат с надписью „стол номер 8“, и этой женщине, которая жадно кусает коржик смакуя каждый атом этого коржика — а коржик сделан из злаков, выросших ещё в палеозое, из злаков, которые заставили нас спуститься в саванны. Все эти люди в столовой не выжили бы и дня в каменном веке, зачем они нужны и кому сейчас? А кому нужен я? Какой-то дед в приёмном отделении такси не дождался своего сына, и это переросло в трагедию всего отделения. Как это всё странно, и как реально в тот же момент, наверное, все из столовой хотели бы убежать в саванне от саблезубых львов или мамонтов, а не от диабета и сердечной недостаточности, вцепившись в коржик...

„Спасибо“, — говорю я женщине, которая принимает подносы, но мне в ответ молчат. А почему? Ведь только что парень поставил поднос, и ему сказали „на здоровье“. Что со мной не так? Мне надо уйти в свою каюту и продолжить пу-

тешествоие вокруг оси земной, вокруг Солнца и вокруг Млечного Пути. В маленькой каюте, обитой пластиковыми панелями и освещённой зелёным фонарём, который я сделал сам из обычного полиэтиленового пакета.»

В этот момент где-то там, в бесконечной темноте космоса, взрывается сверхновая, рождаются и умирают галактики, а здесь, в зеленоватом свете моей каюты-палаты, я вдруг понимаю — моя маленькая жизнь, моя борьба, мои мысли — это тоже частица этого великого движения вселенной. И от этой мысли становится легче...

«В тишине больничной ночи я слышу, как шумит вентиляция — будто дыхание самой Вселенной. Мой зелёный фонарь отбрасывает причудливые тени, и на секунду мне кажется, что это не тени вовсе, а древние наскальные рисунки, которыми мы до сих пор пытаемся рассказать свою историю. Историю существ, выживших в саваннах, победивших саблезубых тигров, построивших города, но так и не научившихся побеждать одиночество.

Мы все здесь — последнее поколение тех, кто ещё помнит вкус настоящего страха, но первое поколение тех, кто научился бояться несуществующего.

И вдруг я понимаю — эта больница, эта палата, этот нелепый зелёный свет — это не остановка в пути. Это и есть путь. Мы летим сквозь пространство и время не потому, что сильные, а потому что живые. И даже здесь, в стерильной тишине, под капельницей, считая этажи пустой многоэтажки, мы

продолжаем главное дело наших предков — мы выживаем. Просто теперь наши пещеры обиты пластиковыми панелями на которых перемигиваются пожарные датчики, наши костры горят люминесцентным светом, а наши духи носят белые халаты.

Я закрываю глаза и чувствую, как моя маленькая капсула-палата продолжает свой путь сквозь космос. 828 тысяч километров в час — не так уж мало для...»

Когда ангелы плачут часть 1

Когда Эльза наконец осознала, что источник существования найден, на мгновение её лицо осветилось тихой радостью. Жить честно своим трудом — великий дар, слава Богу! Постепенно она погружалась в работу. Она даже приобрела себе подержанный Xiaomi; ей доставляло удовольствие любоваться и делать селфи своего прекрасного лица, когда она выкладывала в социальные сети фотографии; всё пережитое постепенно забывалось, и думала она лишь о дочери Сабине, о светлом будущем; она чувствовала себя почти счастливой.

Эльза сняла скромную комнатку и обставила её в кредит: это был остаток той прошлой жизни, до эвакуации.

Не имея возможности выдавать себя за россиянку, она остерегалась говорить кому-либо, что у неё есть маленькая дочь, оставленная у очень хороших людей.

Не умея хорошо писать по-русски, находясь в России, она была вынуждена использовать переводчик.

Как и все молодые матери, она часто погружалась в смартфон, и это замечали. В женской швейной мастерской начали шептаться, что Эльза «кому-то пишет» и что у неё «странные повадки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.